

Эдуард Байков, Александр Леонидов

КИНЖАЛ БЕЗ ПЛАЩА

Эдуард Байков

Кинжал без плаща

«Автор»

2013

Байков Э.

Кинжал без плаща / Э. Байков — «Автор», 2013

Рыцари плаща и кинжала – так во все времена называли разведчиков, шпионов, сотрудников спецслужб. Но в наше поразительное по своей хаотичности и беспринципности время они остались без плащей. А вот кинжалы у них всё еще есть. Любовь, честь, дружба – для героев цикла повестей «Кинжал без плаща» это не пустые слова. И всё же предательство окружает их, а смерть ходит по пятам. На пределе сил и способностей они делают свою работу, исполняют долг. А наградой – тишина, забвение и тень. Тень, из которой выйти им не дано.

© Байков Э., 2013

© Автор, 2013

Содержание

История первая. Путь кшатрия	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Эдуард Байков, Александр Леонидов

Кинжал без плаща

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

История первая. Путь кшатрия

Он ждал Леку Горелова, когда в кафе зазвучала эта песня – «Ностальжи». Она значила для Мезенцова, может быть, даже больше, чем для настоящих эмигрантов, будя воспоминания, уводя в прошлое, в минувшую и невозвратную жизнь, в какие – то параллельные миры и альтернативные вселенные. В 70-е, 80-е годы, которым не быть вновь...

Был день памяти Алана Григоряна. Мезенцов позвонил Леке – международный роуминг долго ворочался в эфирном пространстве и, наконец, дал протяжные гудки вызова.

– Алло! Ты где?!

С некоторых пор все их звонки начинались этой сакральной фразой.

– Я в Роттердаме...

– А я в Копенгагене!

Нехорошо получилось; прямо как в анекдоте про сексуальные извращения – «Роттердам и Поппенгаген». Вместо ностальгии – очередная порция неизбежной клоунады по этому поводу. Потом – щемящий вопрос:

– Завтра день Алана... Может, встретимся на нейтральной полосе?

– Ага... Где это у нас теперь нейтральная полоса?

– Географически это Берлин. Я буду ждать тебя в семь вечера в «Гроссэгере» на Унтерден-Линден, на нашем месте у окна! Приезжай! Хотя бы мертвые должны собирать живых вместе...

И вот Мезенцов ждал живых и призраков за большим стеклом «Гроссэгера», где всегда угощают хорошей охотничьей олениной, курил свой извечный «Салем», смотрел на подтеки дождя, на промокших и озябших берлинцев. За спиной – под пристальными низкими лампами зелень бильярдных столов, костяной пристук шаров, фантомы сигаретного дыма...

В любом возрасте природа выдает поровну лета, осени, весны, зимы – но с определенного момента начинаешь запоминать только осень. Мезенцов не помнил лета с 1988 года – видимо, его лето осталось там. Вкрапления седины в жидких редющих и прилизанных волосах, пятна желтизны на знаменах – все уводило потом от солнца и разнотравья в холод прозрачного утра умирающей природы, телеграфирующей свое прощальное «прости».

– Ностальжи... Же мур ля со мегре...

В 1984 году было очень жаркое лето. Не везде, конечно, но Лека, Лордик и покойный Алан отдыхали тогда в пансионате «Кувшинка» в Чувашии, там было просто пекло! Их вытащил тогда по писательской линии как раз Григорян, ныне – уже мертвый, сгоревший не так давно под палящим солнцем Ирака, посреди мертвой, растрескавшейся земли. Вспоминал ли Алан там, в Ираке, другое, доброе солнце Кувшинки, сверкающее на бриллиантах капель, пронизавшее изумрудную зелень, сочащееся сквозь листву, золотящее травы, стрекочущее двигателем зноя в тысячу насекомых сил?

Собирались много лет подряд. То одно, то другое – то Алан в Париж по ленинским местам, то у Леки командировка в Магадан, то Лордик не может – с его торговыми операциями. В 1984 году так сложилось – все свободны, но Лека начал ныть:

– Да там рубль в день за номер, за отпуск десятую часть зарплаты прожрешь, а мне телевизор надо новый и морозильную камеру надо...

Лека был тогда, чего греха таить, скуповат. Жил на советскую «очень среднюю» зарплату, и все время экономил к ярости своих друзей. Алан пошел куда-то, движимый энергией злости, и легко пробил профсоюзную льготу, чтобы Лека, как многодетная мать, платил 18 копеек за номер.

– Это нормально? – ерничал он перед отправкой. – Или тебе опять не по карману?

На 18 копеек Лека, скрепя сердце и скрипя им, согласился, и Кувшинка, давно облюбованная Аланом, распахнула душистые объятия своего разнотравья для троицы разгильдяев.

Это был писательский пансионат из нескольких двухэтажных срубов-корпусов, на берегу реки Чермашни и ее длинного тупикового рукава, заросшего кувшинками, тростником, изобилующего рыбными омутами, гладкими, как зеркало, поистине серебрянными днем, розовыми на закате и черными, как полированный антрацит, глухой чувашской ночью.

Ивы в ином месте так низко свисали к воде, что, казалось, росли из нее побегами, вращаясь в берег по мере возмужания. Под их зеленые клейкие пряди Лордик любил загнать белую санаторскую лодку, оказываясь в душном и банно-пряном шалашике, незримый ни с воды, ни с суши, уединенный, как мудрец Лао-цзы.

Кормили в Кувшинке за тот же рубль (для Леки – 18 копеек) очень диетично: манной кашкой на завтрак, легким омлетиком, ухой под шучью голову на обед, расстегайчиками с крольчатинной на ужин (почему-то!). Светлана у Лордика как раз худела, МIRONЧИКУ как-то хватало, а вот сам отец семейства не наедался. Но что за беда – поутру ходили тучные деревенские молочницы, зычно предлагали молока, а когда Лордик выходил к ним со стаканом, то со смехом наливали «такую малость» и бесплатно.

У разъезда, где шел подъем на шоссе, работал в летнее время шашлычник дядя Гурам. За сорок копеек можно было взять шампур сочного дымного карского шашлыка с колечками лука, помидора, политого белым вином, ароматного нездешним югом и нездешним пиршеством.

– Спекулянт! – злился Лека, голодавший больше всех на диете «Кувшинки», но самый жадный. – Вот я позвоню ребятам в Народный контроль, тогда он не так запоет!

Вообще-то он не только брюзжал, но и выучил МIRONЧИКА плавать: выбрасывал из лодки посреди омута (правда, привязав за талию к спасательному кругу) и заставлял самолично добираться до берега. Обычно своенравный МIRONЧИК при «дяде из КГБ» как-то притих, покорился судьбе и даже ничего маме не рассказал про варварский способ «экспресс-обучения».

Мезенцов запрещал сыну плавать без страховки – веревки, за которой на приличном расстоянии тащился пенопластовый красный круг. МIRONЧИК и с таким балластом выделял чудеса водного поло, нырял, плескался, бесился с соседскими ребятами.

– В рукаве-то поосторожнее! – предупредил Алан. – Там где-то в омутах здоровенный сом живет, метра на два! Местные его «Силурусом» прозвали. Он недавно у завхоза целную утку проглотил... А МIRONЧИК все-таки пока маленький... Силурус его если не съест – так ведь напугать может...

– Хрен! – вмешался легкомысленный Лека. – Весь этот Силурус легенда для привлечения рыбаков! Ее вон Гурам распускает, чтобы успешнее шашлыками спекулировать! Сколько его ловят – а выловить не могут, зато шашлычки жрут, молоко пьют, хлеб деревенской выпечки покупают – этому Силурусу местные барыги памятник должны поставить!

– Нет. – обиделся Алан и поджал пухлые гедонистические губы. – Есть сом, сам видел на ночном клеве, как он плещется! Говорю тебе метра два, не меньше... Может быть, полтора метра, врать не буду, но на меньше точно не потянет, тут и к бабке ходить не надо!

– Да отродясь такого не было, чтобы сом на человека нападал! – заполошно загомонил Лека – Я сам рыбак! Сом может лягушку съесть, ну, карпа, например!

– А утку может?! – саркастически прищурился Алан.

– И про уток сроду не слыхал! Фуфло все это!

– Да?! Фуфло?! А куда тогда у завхоза утка делась?!

– Курортники, может, украли! Или сама утонула! Нажралась вон суперфосфата – везде сволочи, накидали – забалдела и утонула спьяну, вот и вся недолга!

– А я говорю – Силурус ее съел! Ты таких сомов, Лека, и не видал никогда! А все почему? Здесь ила и тины всякой завались, в рукаве-то, как подушка пуховая сомам! Рыбу здесь совхоз специально разводит для нужд отдыхающих, выпускает в омут – как шведский стол ему...

Объедки из столовой – раньше обслуга тут свиней держала, а теперь обленились, черти, свиней позабывали, объедки в омут сливают – жри да толстей, чего сому еще надо? Одного жареного антрекота вчера два бачка вывалили понадкусанного... С детской группы отдыхающих... Дети не едят – а Силурус жиреет!

– Но не настолько же, чтобы утку съесть живую! – горячился Лека.

– Вот что! – положил конец спорам Лордик Мезенцов. – Раз здесь есть сом, то я сына купать тут боюсь... Конечно, Мирончик купается в реке, а не в омуте, конечно, и сомы охотятся по ночам, а не днем – но раз в год и кочерга стреляет! А посему, други мои, надо нам этого чертового сома изловить для безопасности – глядишь, и другие родители нам спасибо скажут! И доброе дело сделаем, и сомятины порубаем... Как, идет?!

Предложение было принято на «ура», как в прошлом году, когда Лордику дали премию величиной чуть не с зарплату, и друзья втайне от жен слетали в Волгоград, похавать черной икры и осетрины, а к вечеру тем же «ТУ-124» вернулись обратно, так что про их проделку никто и не знал.

Даже скептик Лека – и тот загорелся: сомы, конечно, в два метра бывают только в сказках рыбацких, но оно и к лучшему. Если бы сом был такой здоровенный, то он был бы старым! А если бы он был старым, то плесо его было жестким и невкусным, а сомовий жир при растопке для пирогов пах бы тиной. То ли дело поймать молодого сомика – его мякоть сочная, аппетитная, а уха из такого – сущий жир, даже ложка стоять будет!

Вечером Света заставила Мирончика доесть омлет, применив замечательный аргумент:

– Вон, смотри, папа уже свои яйца съел! (Лордик тогда как раз выскребал третье яйцо всмятку, принесенное деревенской торговкой.)

Сын отправился спать, а Лордик собрался идти на его защиту – бить сома. Света, увидев Лордика в охотничьем снаряжении, только выразительно покрутила пальцем у виска. Когда Мезенцов объявил цель похода – она довесила сквозь зубы:

– Ну-ну! Дуракам закон не писан!

И ушла в комнату отдыха смотреть телевизор. Лордик не унывал – такой стиль общения с женой вошел у них в норму. Его мучило другое – если он сегодня в ночь не возьмет сома Силуруса, то завтра не сможет разрешить Мирончику купаться, что, конечно, не обрадует сына.

Вышли из бревенчатых корпусов тихо, как на конспиративную сходку. Алан в гидрокостюме, Лека в спортивном костюме с символом московской олимпиады не груди. Лордик в больших, с отворотами, болотных сапогах, в брезентовой выгоревшей штормовке, в джинсах марийского пошива.

– Значит, так! – предупредил Алан, местный краевед. – Будем брать его баграми! Багры возьмем на пожарном щите! Прикормку я взял у поваров – пять буханок свежего хлеба...

– Сом на хлеб не клюет! – рассердился профанации Лека.

– Знаю! Я хлеб вымачиваю вот в этой кастрюле, в мясном бульоне! Только поплывет такой хлебушек – по всему омуту пойдут бульонные флюиды! А коли они пойдут – Силурус поплывет по запаху к источнику, к поверхности воды! Тут мы – с фонариком и с баграми – ка-ак саданем!!!

Лодка отчалила от берега с едва слышным плеском, вежливо раздвигая носом кувшинки. Ночной омут парил с дневной жары, полуокутанный белесой дымкой. Свет фонарика выхватывал из мира темных контуров зеленые участки буйных порослей.

– В принципе, можете говорить в полный голос! – предложил Алан. – Силурус хозяин здешних мест, это вам не мелкая плотва, от крика не ушлепает... Главное, как всплывет, попасть ему багром в башку! Если в хвост – то только поцарапаешь, злее станет, глядишь, и лодку, чего доброго, перевернет!

– Что бы вы без меня делали! – усмехнулся Лека, собирая невесть откуда взявшееся охотничье ружье. – Вы ведь даже не члены общества рыболовов и охотников... так, может быть, половые члены, не более...

– Ща как дам! – замахнулся Алан.

– Ладно, ладно! – притворно испугался Лека. – Ты будешь бесполом, я же не настаиваю...

– Слушай, Алан – поинтересовался Лордик, всегда отличавшийся любознательностью. – А почему они зовут его Силурусом?

– Вообще-то они его как-то по чувашски зовут... – вынужден был признаться Григорян. – А Силурус – это латинское обозначение сома... Я сам прошлым летом приспособил, но скромно скрылся под псевдонимом...

– Да и сома этого ты тоже выдумал! – разочарованно зевнул Лека. – Писатель хренов! Вот сейчас промерзнем тут всю ночь, как дураки – а я, между прочим, с такой отдыхающей познакомился! Прикинь, Лордик, она искусствовед! Она в Эрмитаже все знает, как мы в собственном туалете! И такая, знаешь, фигуристая... Очки только портят – надо ей оправу поменьше... А то, как синий чулок... Я бы сейчас мог к ней в номерок, под теплое одеяльце – а вместо этого торчу тут и зябну с двумя миндалями в лодке...

– Зяблик нашелся! – хмыкнул Алан. – Если ты так говоришь, Лека, то запомни: поймал сома, поделим с Лордиком, а ты только облизывайся: фантомов не едят!

Иногда говорят про тишину: мертвая. В Кувшинке тишина была живая, зыбко-подвижная тишина безветрия и неуловимого шелеста берегов, невоспринимаемого ухом развода и бульканья мелкой рыбешки. Какой-то пух – то ли остатки тополиного, то ли камышовый – витал незримо в темноте, иногда касался лица, падал на воду и не плыл – от невесомой легкости своей скользил по ее глади. Ночная прохлада гладила утомленные окрестности, белевшие от раскаленного зноя днем.

– Нет, ты скажи! – приставал Лека к Алану. – Если бы здесь действительно водился сом! Столько рыбаков – и все неумехи, один ты Д'Артаньян, так что ли получается? Никто его выловить не мог, один Алан Григорян сейчас подъедет и возьмет?!

– Во-первых! – терпеливо загибал пальцы Григорян – эти лентяи удят в основном днем, а Силурус всплывает ночью. Во-вторых – сом не клюет на обычную рыболовную снасть. Здесь нужны специальные приспособления, крюки как у багра – а с обычной удочки он просто лесу оборвет – и все! К тому же местным он нужен, как легенда, тут ты, Лека, прав, а приедем некогда всерьез за него взяться...

– Тихо! Смотрите! – возопил Лордик, проведя фонариком дорожку по зыбкой пленке воды.

Они увидели то, что сразу осекло скептика Леку – и убило его надежды попробовать молодой сомятины. Близ берега на мелководе ворочалось какое-то серое гуттаперчивое бревно. Вот перевернулось боком, хапнуло лягушку – и вновь с еле слышным плеском ушло на глубину...

– Ого-го! – присвистнул Горелов.

– Вот он! – торжествовал Алан. – Силурус! Я же говорил! Оклеветанный неверием, оскорбленный сомнением, не понятый современниками – я все же был прав! И что, Лека, разве такой красавец не в силах утащить утку?! Да ему хоть барана дай – утащит под корягу!

– Или... мальчика... – холодея от той опасности, которой подвергался здесь Мирон Леонардович, прошептал Лордик. – Алан, ты должен был мне сказать в первый же день...

– Да нормально, Лордик! Твой сын купается на протоке, а сомы не любят проточную воду... Хотя... Судя по размерам, Силурус все время должен быть голоден... Может, он от голода и днем выйдет охотиться...

– Все! – подвел итог Лека. – И спорить не о чем! Хана твоему Силурусу, а нам всем доброй ущицы...

Он открыл кастрюлю, источавшую сладковатый запах перекисающей еды, и стал ломать моченый в бульоне хлеб, кусок за куском отправляя по воде. В призрачном свете фонарика их рваные остовы нарушали гармонию спящей природы, идеальную ровность поверхности омута.

– В тихом омуте – черти водятся! – посетовал Алан. – По правде сказать, Лордик, я в первый раз вижу Силуруса вблизи! По плескам ведь не определишь... А то, и правда, Мирона и на протоку бы не выпустил...

Они тихо вращались, влекомые неведомыми круговыми слабыми течениями, посреди безобразия плавучего хлеба, по охотничьи собранные.

– Вот вам и романтика странствий! – улыбнулся Лека.

– Я соглашусь с тобой, – кивнул Алан. – Но не с тем, что ты имел в виду! Романтика – совсем не то, что видят в ней наши глупые женщины – когда много роз, кофе в постель – или лучше в чашку – рестораны, ассигнации... На самом деле, Лека, это не романтика, а пошлость в квадрате! Лунный свет, тихая музыка – отвратительно пошлы!

– Хм... а что же тогда романтично, по-твоему?

– Философия романтики – в ее трагичности. Подлинный романтизм – это ореол трагедии и обреченности. Белый офицер, прощающийся с любимой на перронах гражданской войны – это вечный романтический сюжет, вечное поле для романсов и сонетов! А современный мажор, из ресторана везущий на «чайке» девушку домой слушать Чайковского и смотреть с балкона в бинокль на Луну – это дерьмо. То есть, может быть, не дерьмо, простая проза жизни – но нет... не поэзия...

– Че-то ты заболтался уже, писатель! – хмыкнул Лека. – Белый офицер ему... Помягчили времена-то для вас, шелкоперов, прежде ты бы не стал вспоминать белого офицера в обществе офицера КГБ!

– Я это не в смысле апологетики Белой армии! – сдал на попятный Григорян. – Победив, Белая армия стала бы пошлостью уже не в квадрате, а в кубе... Я почему говорю про романтику – вот здесь и сейчас – не потому что ночь ароматна и пахнет дымом, банькой, сеном, детством... Я говорю – романтизм в Силурусе, одиноком старом соме, против которого вышли трое жестоких истребителей, вооруженных всей технической и интеллектуальной мощью XX века! Старый сом, живущий по законам доисторического времени, когда не появлялись еще даже рисунки на стенах пещер, гость из Силура – Силурус – обречен перед нами и в этом прекрасен. Если бы он поймал мальчика из деревни – он был бы мерзкой хладнокровной гадиной и не больше того. Но вышли мы – и симпатии верхнего наблюдателя на его стороне: Божественный романтизм именно в этом:

*Старого мира последний сон
Молодость, сила, Вандея, Дон!*

– По-твоему, выходит, коммунизм, если побеждает – становится пошлостью?

– Ладно, Лека, уймись! – выручил Алана Мезенцов. – Пошлостью становится этот ваш беспредметный разговор. Коммунизм неизбежен – и все! Лучше сома не проглядите!

– Есть большая разница между романтиками, комсомольцами двадцатых, и например, туземной бабой по прозвищу Мотниха! – не унимался Алан. – Мотниха как раз в двадцатые и была, наверное, комсомолкой! А сейчас у нее сдох почему-то весь опорос, и она дохлых поросят хочет продать горожанам под видом свежерезанных... Пришла ко мне, дура старая – мол, Алан Арменович, вы большой человек, нет ли у вас какой синей печати, чтобы поросят на бок проставить! Ведь вот дура старая – а знает, что санэпидемстанция мясо убойное метит... Я ее выгнал! С чего поросята сдохли – никто не знает! А ну как горожане помрут следом?! Но Мотнихе, ослепленной собственничеством, это ничего, мол в городе народу нет перевода, один помер, другой родится, а в кубышке у Мотнихи все деньги-то считанные...

– Вот сволочь! – сплюнул Лека в воду.

– Человека портит комфорт! – глубокомысленно изрек Лордик. – Люди в землянках и в лаптях честнее людей в «жигулях» и итальянских сапожках... Мы им пансионат за 18 копеек в сутки – а они нам в ответ – дохлых поросят на продажу... Мы им дешевый хлеб – а они его в рюкзаки и за город: свиней откармливать...

– Но коммунизм все-таки неизбежен! – зачем-то сбил накал трагической ноты Лека. – Отобьемся! Все-таки Константин Устинович Черненко – это такая сила – никакая Мотниха не переломит!

– Сом подходит! – шепотом просипел вмиг напрягшийся и заострившийся Алан. – Силурус-с-с...

Черную полировку воды разрезала сильная слизистая спина могучего сома. Похожий на чудовищно разросшегося головастика, с длинными усами и блеклыми, по виду слепыми бусинами глаз на широкой, состоящей почти из одной пасти морде, Силурус возник из тинистых глубин и донных коряг как истинное порождение ночи и кошмара.

Он рос, наверное, века два, но с каждым днем, набирая вес, становился все жаднее и неразборчивее до пищи. Чем дальше в неведомое технотронное грядущее планеты уходил век Силуруса, тем сильнее терзало его проклятие голода.

Теперь видно было, что он не короче двух метров. Он глотал бесформенные размокшие куски хлеба с бульоном и шел прямо наперерез лодке, как айсберг на «Титаник».

– Стреляй, Лека! Стреляй! – взмолился Алан, вмиг вспотевший от рыбацкого возбуждения.

– Счас... подпустим поближе...

В ночи, в ирреальном мире расходящихся водяных бликов и волн Лека не рассчитал скорости большой рыбы. Лордик раньше выстрела ударил в серую лоснящуюся спину багром. Обычные сомы мягки до студенистости. Но Кувшинкинский левиафан затвердел от старости, как полено, и багор скользнул по его боку, лишь слегка ободрав кожу и слизь.

От удара Силурус рванул вперед сильнее, ударил спиной лодку – и в тот самый момент Лека нажал на спусковые крючки своей двухстволки. Но лодка уже накренилась, стволы ушли с прицела, и вместо сома крупная дробь второго нумера прошла днище.

– Едрен кагал! – выматерился упавший на дно новообразованного друшлага Алан. – Смотри хоть под ноги, когда стреляешь!

Силурус ушел на глубину. Вода в лодке быстро прибывала, и матюгающаяся промокшая компания погребла к спасительной осоке берегов.

– Это не сом! – кричал Лека в ярости – во многом на собственную неловкость. – Это враг народа! Это душа Колчака, которого утопили в Ангаре!

На берегу немного пришли в себя. Алан торжествовал вдвойне: во-первых, его рассказ о Силурусе подтвердился наглядно, а во-вторых – насмешник Лека посрамлен, обгадился прилюдно, и теперь его можно шпынять до посинения.

Это торжество, этот триумф духа заставил Алана быть благородным. Он объявил, что штраф за расстрелянную лодку он заплатит пансионатскому начальству лично, поскольку охота на Силуруса – его инициатива.

Когда Лордик добрался до номера – мокрый, в иле, в водорослях и водной траве, как утопленник – презрительный взгляд жены сказал ему все, что она думает о его ночных развлечениях. Взгляда было довольно – супруги не разговаривали.

На следующий день Мирончик плакал, потому что отец запретил ему купаться. Лека реабилитировался, посетив по Алановой наводке бабку Мотниху. Здесь Горелов развернул перед обалдевшей старухой впечатляющую ксиву, а затем не менее впечатляющую панораму ее бесчеловечного преступления. Подобно Босху он поместил маленькую фигурку согбенной Мотнихи в центр панорамы шабаша; Мотниха подавлена и сломлена ужасными ликами подступа-

ющих отовсюду неотвратимо Санэпиднадзора, Народного Контроля, Месткома и Парткома, КГБ и Политбюро, объединившихся для победы над зловредной бабкой. Обложив Мотниху со всех сторон, могучие союзники тащат с собой новейшую технику: зловещие овоскопы и дактилоскопы, экспертов и криминалистов, лупы и микроскопы, прожектора позора. И вот уже раскрыт бабкин замысел продать дохлятину, и вот уже со всех сторон спешит милиция брать бабку – обкладывает окрестность, прочесывает леса.

И нет укрытия, нет спасения бабке Мотнихе. Лучшие пинкертоны страны прижимают ее в угол убийными доказательствами, предъявляют ей ее отпечатки пальцев и орудие преступления – нож, которым она после смерти отворяла горло пороссятам. Дедуктивный метод не дает сбой – страна Советов поставлена под угрозу распространением поросинового трупного яда. И вот уже суд над Мотнихой – в блеске юпитеров, со стрекотом кинокамер, с рядами иностранных журналистов и гостей из братских республик. Вот уже клеймят Мотниху видные деятели профсоюзного и рабочего движения, указуют в нее перстом и требуют: «К ответу! К ответу!». И полнится газета «Правда» гневными письмами трудящихся со всех уголков необъятной родины – призывающих не щадить классового и генетического врага. Финал полон декоративных элементов: Бабку Мотниху сажают почему-то в полуторку, отвозят на помойку и там, предварительно завернув в черную простыню, расстреливают.

Уже на половине этой экспозиции почти рыдающая бабка готова была согласиться на любые, даже унижительные условия мира с обществом. Когда Лека предъявил ей ультиматум – сдать ему немедленно весь дохлый опорос – Мотниха без лишних слов пошла в подпол, на ледник – и принесла трупки неудавшихся свиней.

Лека поспел как раз вовремя: на боках трупиков уже виднелась где-то слямзенная Мотнихой неразборчивая печать.

Друзья дожидались его недалеко от шашлычной, плотно пожевав жареного мяса, запивая виноградным студеным соком, урча теперь животами. Здесь они несколько часов просто и пошло спали, причудливо и мозаично загорая в рассеянных листвою лучах жгучего светила. Что касается дохлых пороссят, то их положили на солнцепек, где они сперва отмерзли, а затем еще и засмердели, вздуваясь. Сому лучший гостинец!

Частично восстановив подорванные ночной охотой силы, охотники перешли к пьянке...

* * *

«Ностальжи». Как много можно вспомнить и заново пережить за две минуты единственной песни! За стеклом кружили белые мухи – первые признаки мокрой и бесснежной берлинской зимы. А водка – хоть и называлась «Русской» – была по-европейски чересчур чиста и дистиллирована. Это была подделка – под ту, настоящую, «Андроповку» – сивушную, из опилок, из нефти – из чего еще там?

Алан, Алан... Не щадит нас время... Он стал нефтебароном, и чтобы есть черную икру – в новой России не нужно было летать в Волгоград. Но изобильная икра тоже стала подделкой, как и нерусская «Русская» водка – она утратила витамины радости, солнечные ферменты целеустремленности.

Алан ворочал миллионами долларов. Он работал в Ираке по программе «Нефть в обмен на продовольствие» и много помог опальному режиму Саддама Хусейна. Потом, когда запахло второй войной в Заливе – Алан, как и все нефтебароны, отпустил домой сотрудников фирмы. Думали, что он, как капитан – последним покинет тонущий корабль.

Но это был Алан! Он сделал нечто, заставившее новостные программы вновь заговорить о «загадочной славянской душе», хоть и был вполнину армянином. Он сказал Саддаму: «Мы были вместе в богатстве и радости – останемся вместе и в смертельный час!». Потом он одел

костюм «сафари», пробковый шлем, взял бронебойное ружье, из которого ухлопал в Африке не одного слона, и принял одинокий бой под деревушкой Эль-Обейд.

Говорили, что это очень экзотичный способ самоубийства. Говорили, что Алан сошел с ума и принял за сафари настоящую войну.

Но Лордик знал истинную причину. Незадолго до Эль-обейдской последней охоты он видел Алана на экономическом форуме в Давосе. Алан показался ему безмерно усталым, издерганным и потерявшим стержень внутри. Бессвязную речь мог понять только старый, многолетний друг:

– Шлюхи! Я, Лордик, потратил на шлюх всего себя! Занимали мы с тобой, занимали... Отдавать все равно придется! Как все пошло и, главное, по Фрейду – убить себя, чтобы нравиться бабьей твари, проституткам нравиться... ради чего все?!

Подлинная романтика для Алана всегда была связана с трагедией и поражением. Алан смолodu впал в странную ересь – он полагал, что Богу милы побежденные, что Бог на их стороне – но, увы! – Он наблюдатель и не может вмешаться: вмешайся Он – и побежденные станут победителями, и пропадет их шарм и величие, подлинная глубина, отверзтая в их душах в час великих испытаний.

Под Эль-Обейдом одинокий путник пустыни дал красивый бой: он стрелял в американский бронированный вертолет «Апач». Он не смог бы его сбить – если бы одна из пуль не попала под вращающийся винт, в ту единственную, как у Ахилла, уязвимую точку «Апача». Для охотника это большая удача! Только страстный охотник сможет ее оценить – все равно что попасть бешенно прыгающей белке прямо в глаз мелкой дробью!

А может быть, думал Мезенцов, то была и не удача вовсе, а просто великий Наблюдатель все же вмешался, усилил драматический эффект? Прошла лишь минута торжества – и другой «Апач» разорвал тело Алана в клочья очередью из крупнокалиберного пулемета. Кровавые останки Григоряна пали на иссохший такыр вдали от Басры и Багдада, вдали от родной стороны, бесконечно уходящей во времени и пространстве от Алана.

К гибели своей страны Алан приложил немало усилий – потому что хотел нравиться шлюхам. Но нельзя убить СВОЕ, не убив при этом СЕБЯ. На склоне дней Алан понял это – и ушел красиво, в колониальном пробковом шлеме и брезентовом френче, со слоновым ружьем в руках.

«Ностальжи». Одна только песня. И какие гуттаперчивые, каучуковые, резиновые две минуты! Сколько мыслей влазит в них под фальшиво-чистую, стерильную, не обжигающую горла водку и под вкус прикормленной, домашней, потерявший терпкий лесной дух погони и страсти оленины!

* * *

В далеком и чопорном 1978 году ему было 33 года – возраст Христа. Он состоял завотделом в Кареткинском райкоме ВЛКСМ, отвечал за науку и учебные заведения. Медик по профессии, он писал диссертацию по методам психотронного воздействия в буржуазных странах, ненавидел райкомовские будни с их пьянками, саунами и распущенностью, презирал свою скучную должность, возню с бумажками и маразматические поправки в молодежные стенгазеты.

На кафедре психиатрии грозились зарубить его детище – массивный труд по внушаемости человека. Хоть труд и писался в рамках «критики ИХ нравов», все же познавательная часть выпирала, вопияла к небесам. Чтобы упокоить друзей и преодолеть врагов, нужны были банкеты, коньяки, охотничьи домики с запотевшей ледяной внутри «Посольской» с балычком и копченой осетринкой. А на райкомовскую зарплату не разбежишься – меньше заводской.

Кафедра психиатрии втянула 33-летнего комсорга в коррупцию. Диссертация, как древний Молох, не спрашивала – откуда дары, но требовала даров. Выгодная женитьба, хоть и способствовала карьере, но денег тесть (завтрестом нефтегазовой промышленности одной из автономных республик) не давал, наоборот – придирчиво разглядывал, как зятек КГБ-шных кровей, потомственный кат и палач, будет содержать его дочку. Родился первый ребенок – колокольчик, солнышко, Мирончик, и расходы семьи (жена работать и не думала) снова возросли.

Разрываясь, терзая себя и ближних, Мезенцов мучился какое-то время, потом нашел выход. Раз он отвечает за науку и учебные заведения, то имеет право выпустить сборник молодых авторов по научной фантастике. А раз он имеет право выпустить сборник – то имеет право решать, кого в нем из молодых и честолюбивых авторов разместить.

Друг, Алан Григорян, работал в аппарате Союза писателей и помог собрать молодежную конференцию. Он же, храбрый и беззастенчивый (через пару лет уйдет во внешнюю разведку!), собирал деньги с желающих обрести писательский статус. Отбоя от желающих не было, и ставки росли.

Алан Арменович был честен с друзьями и отдавал бывшему однокласснику Мезенцову не меньше половины хабара. Смазанная зелеными полтинниками с профилем Ильича Первого машина диссертационной защиты заработала более складно, а после выхода первого фантастического сборника тут же наметили второй. Шустрый Алан Арменович нашел перекупщиков (фантастика в 70-е годы шла очень хорошо) и сбывал им готовую книжную продукцию в полторы госцены. От Мезенцова зависело – сделать эту госцену минимальной, и он расстарался: толстенная, сверхходовая книжка стоила 80 копеек, хотя ее брали охотно даже по 3 рубля в городских магазинах – «Букинистах».

Вливаясь в «светлые ряды» цеховиков, комсорт Лордик (так тогда звали его почему-то друзья) чувствовал ледяной ком и сладковатый привкус страха, бьющие в поддых. Сколько веревочке не виться... Но обратной дороги не было.

Постепенно слащавая гниль в горле прошла, организм полностью переключился на адреналиновый режим, окреп и закалился в мире Фобоса. Но все хуже становились отношения с женой Светланой, «принцессой бензоколонок» далекой автономии, никогда не понимавшей мужа.

– Откуда у тебя снова деньги?! – зловещим, свистящим шепотом спрашивала она. – Тебя посадят, Лордик! Зачем я послушала отца, зачем я вышла за тебя?! Господи, ты же сломал мне жизнь! Ты же банальный рвач, мелкий жулик! Ты карманник из трамвая, Лордик! Долбанный комсомолец!

Если он задерживался на работе – начиналась другая песня:

– А! В сауну сходили?! Поздравляю! Кого обрюхатил там?! Вашу тренершу из спортивного отдела?! Молодец, секс-герой! Живот только втяни, а то брюхо тебя портит... Господи, как же я несчастна с тобой... Ну почему у Ляли муж археолог, почему они живут, как люди, почему именно мне досталось это животное без сердца?!

Светлана не любила труд, она была принципиальной нахлебницей – но все же советского образца. Не желая работать, она, тем не менее, согласна была довольствоваться малым, жить только на зарплату. Верхом ужаса в ее ночных кошмарах был арест проворовавшегося мужа и несмываемый позор. К тому же домашнее безделье приучило Свету к мысли об изменах мужа, о его донжуанских похождениях. Сама себя накручивая, она творчески и с фантазией, как писатели-взятодатели на работе Лордика, варьировала тему его бесчисленных измен и издевательств над ее чувствами.

Лордик Мезенцов был несчастлив в коллегах, в семье (хотя сына Мирона все же очень любил) и в мыслях. Но он был счастлив в делах, в теневой коммерции, в друзьях. Алан Григорян и Лека (Олег) Горелов шли с ним с самого детства, от школьной парты, не бросая его,

защищая, если придется. Алан любил белые атласные галстуки, которые в сочетании с черными импортными рубашками и искристыми кремпленовыми костюмами (тогда это было модно) покоряли сердца всех «мочалок» округи. Темные итальянские очки с вензелем лихим всадником сидели на его массивном армянском носу, чутком, трепещущем ноздрями, вполне годном на роль в одноименной повести Гоголя.

Алан считал Свету сукой и ненавидел ее.

Лека Горелов пошел после института в КГБ и долго заманивал туда отнекивавшегося Лордика. Лордик выпрыгнул из этой «колесницы возмездия», где громыхали когда-то его отец, мать и дед, где для Лордика имелись хорошие завязки и были открыты все пути (в пределах, ясен перец, разумного!). Лека казался полной противоположностью знойному южанину Григоряну. Истинный ариец, нордический тип – пшеничные волосы, голубые глаза, римская прямая переносица, волевой подбородок, накаченное мускулистое тело если не Геракла, то уж точно Аполлона античности. «Красив, как бог!» – ахали однокурсницы.

– Как идол! – всякий раз ревниво поправлял их Лордик.

Мезенцов в их компании являл собой средний тип. Стертый, тусклый, неопределенной внешности, как старая монета, он оказался лишенным южной страсти, горячей крови Алана, и северной статности, хладнокровной уверенности в себе Леки. Он был рыхловат, немного безлик, его трудно запоминали в лицо – некая среднестатистическая внешность, маска толпы, фоторобот обыденности. Если что и выделяло Лордика – удивительная бесцветность глаз, пустых, почти как бельма. Да, у них с Лекой вроде бы один цвет радужки – голубой, но у Леки он насыщенный, васильковый, острый, а Лордик довольствовался блекло-вареным, почти белесым оттенком.

Это с неприязнью отмечали девушки. Алан подарил Лордику одни из своих итальянских солнцезащитных очков, но Лордик не мог себе позволить роскоши их носить: если свободный (хоть и вербованный разведкой) работник Союза писателей одевался как стилига в обыденном порядке, то партиец, номенклатурный кадр Мезенцов быстро бы попал на прицел партконтроля.

Поэтому Мезенцов нашел выход в виде дымчатых очков, не совсем, но все же скрадывавших его неприятное свойство смотреть рыбим взглядом. К тому же диссертация подпортила зрение, и без очков (хоть бы и не дымчатых) было уже не обойтись.

Тот летний дождь пришел как раз после защиты кандидатской. Документы отправились в ВАК СССР, а троица друзей – поразвлечься после пятичасового томления в институтской аудитории. Они были на машинах – Алан на «Волге» (гонорар с книги-фотоальбома «Это и есть советская жизнь»), Лека на выдавшем виды «Москвиче» родителей, Лордик – на Жигулях-«копейке», недавно приобретенных на имя жены. Они могли бы считаться «золотой молодежью» 70-х, если бы не витал в воздухе столь отчетливо запах увядания молодости, если бы не уколы геморроя, вымывание залысин и ветер грустной зрелости, навеки хоронящей память шаловливого детства.

Этот летний дождь 1978 года приоткрыл завесу судьбы Лордика Мезенцова и подарил ему Таню Лузину. Если бы не дождь – может быть, все было бы иначе... Но он так же неостановимо стучал по жести и камню города, как десятилетия спустя стучит над ложем умирающего Леонарда Николаевича.

Она была моложе лет на десять. Она была стройной, с узкими бедрами, маленькой грудью, роскошными каштановыми волосами. «Мальчиковая» фигура рождала жажду близости и... мысли о латентной гомосексуальности. Дождь промочил ее платье насквозь, размазал косметику на лице, словно она долго рыдала, дождь лепил ее волосы на крутые монгольские скулы. Она шла на высоких каблуках, по мясным колбаскам дождевых червей, выползших наружу, хлюпая в их мерзкой плоти.

– Девушка! Эй, девушка! Может, прокатимся!

Конечно, писатель и агент внешней разведки Алан подал наглый голос первым. Вытащил из нагрудного кармана сиреневого пиджака сторублевку и, ухмыляясь, выставил перед собой как декларацию о намерениях.

– Девушка! Ты к нему не ходы, ты моя ходы! – с издевательским акцентом загомонил Лека. Оперся о капот своего «москвича», смеясь навстречу дождевым струям. У Леки с деньгами было куда хуже Григорянского, но отставать он не хотел и тоже выставил сто рублей. Мол, гуляй, холостая вольница...

Лордик со смущенным смешком поддержал инициативу. Он понимал, что за такие шутки можно полететь из райкома в два счета, но он защитил кандидатскую – бравада успеха еще рапирала его. К тому же все сворачивалось в шутку, к тому же – самое главное – он был убежден, что девушка выберет (если выберет!) или жаркого Зорро или мраморного Аполлона, но уж никак не его.

Но Таня выбрала именно его. Под изумленные посвисты и подзадоривающие смешки друзей она подошла к «копейке», с достоинством вынула из ладони Лордика мокнушую денгу и вызывающе улыбнулась:

– Куда поедем?

Лордик остолбенел. Он был горазд пошутить с корешами – но дело зашло слишком далеко. Глядя на его обалдевшую физиономию, Лека и Алан презрительно зашумели:

– Лордик, не дури! Открой даме дверцу!

– Лордик! Ты избран из лучших! Не дури!

– Лордик! Леди ждет! Ты не джентельмен...

– Садитесь, пожалуйста... – пробормотал тушующийся Мезенцов. – Вас куда подвезти?

– Я думала – к тебе, ковбой! – засмеялась Таня. – У меня свободный вечер... Найдется вино и тортик?

Лордик повез незнакомку за город, на родительскую дачу, которую друзья в шутку прозвали «Угрюм-холлом». Они некоторое время ехали сзади, размахивали из окошек руками, пытались клаксонами машин сыграть вальс Мендельсона. Наконец, Лордик набрал в легкие побольше воздуха и, высунувшись из машины чуть ли не наполовину, рискуя потерять управление, проорал кортежу:

– Пошли вон, мудаки!!!

Друзья не обиделись – понимающе развели грабли, «попердели» губами – навроде «без балды, браток!», и развернули свой транспорт от греха подальше.

Лордик, кандидат медицинских наук, заведомо КРК ВЛКСМ, редактор-составитель серии «Флагман фантастики» и Таня Лузина, девушка широких взглядов, секретарь-машинистка партийного машбюро, юная лимитчица из далекого маленького и глухого городишки.

– Живут же люди! – присвистнула Таня, входя в «Угрюм-холл» и осматриваясь по сторонам. – Мезенцов (они уже успели познакомиться) – ты не кандидат! Ты целый доктор! И может даже академик! Слушай, камин, картины, венские стулья... Лосиная голова и сабли на стене... тут, часом, не кино про красивую жизнь снимают?!

– Это все еще от деда... – растерянно приборматовал небалованный женским вниманием Лордик. – Стулья немецкие, трофейные, из Бабельсберга... Дед был полковником, ему целый вагон к вывозу полагался... Так Сталин распорядился... тогда... А картины, видишь, специфические – Маркс, Энгельс, Ленин... Плеханов вон, зачем-то... Сталин тоже был... Мама сняла, боялась очень... А лося отец сам... вот... убил, значит, и чучело закуклил и повесил, моль-то разводить...

– А камин вручили тетке прилюдно за ударный мартен! Ладно, Аля, не оправдывайся, живешь – и живи хорошо, я тебе не народный контроль...

– Камин газовый, – зачем-то сообщил Лордик. – Там газ подведен, и пламя поэтому синее... Не очень красиво...

– Но романтично! – она артистично обвила рукой шею Лордика и шепнула на ушко игриво:

– Дурачок, когда идешь налево, обручальное кольцо с пальца снимать полагается...

Мезенцов растерялся и не нашел ничего лучше, чем начать стаскивать кольцо.

– Не при даме! – мягко удержала его Татьяна. – Сейчас оставь, так даже пикантнее...

* * *

Старшему сыну, Мирону Леонардовичу, отец доверял вполне. Он был плоть от плоти Мезенцовых, статный и красивый, как гусарский офицер. Пошел по финансовой линии и возглавил (не без помощи отца, конечно) инвестиционную компанию. Он умело играл на рынке ценных бумаг, продавал и покупал акции, владел солидной недвижимостью.

Сын боготворил отца. Однажды, когда Леонард Николаевич совсем было собрался умирать от панкреатита, Мирон бросил все дела и прилетел через две тысячи километров с Гибралтара. Он ворвался в комнату, раскидал охрану и бросился к изголовью.

– Папа! Что это?! Почему ты не вызвал врача?! Я не понимаю... Какое лекарство тебе купить? Только не говори, что умираешь – папа, это... Уйдите, нам пока не нужен священник! Отец не умрет, уходите...

– Не шуми, сынок! – попросил Мезенцов-старший, обнимая голову сына пергаментной рукой. – Хорошо, что ты приехал... Но я хочу, чтобы ты ушел в гостиную... То, что мне придется рассказать – не для твоих ушей, Мирон... Уходи... Что ты стоишь? Я приказываю – у меня осталось мало сил, а мне надо закончить...

Мирон ушел. Он привык слушать отца во всем. Но на пороге не выдержал – и как-то по-детски заскулил, заплакал, будто котенок над трупом хозяйки...

Может быть, это сыновье искреннее заступничество перед Богом было Лордику Мезенцову зачтено, и необратимый, казалось бы, распад организма вдруг потек в обратную сторону. Получилось в итоге конфузно: помирал – и выздоровел, вроде как притворялся, миндальничал...

– Ему не надо этого слушать... – говорил тогда Леонард Николаевич священнику. – Довольно ему и того, что он знает... А вы слушайте до конца, и ничего не пропустите, отец! Я опускаю много мелочей, но есть такие мелочи, которые очень важны... Поэтому не думайте, что я несу какую-то блажь... В тот день я был очень счастлив. Мы пили вино и танцевали под тихую музыку, потом я отвел Таню в спальню и... никогда мне не было так хорошо, святой отец! Женщины в постели чаще всего – полено... А она была самой тьмой принимающей и теплой, она обволакивала... Вы знаете, что такое «минет», святой отец? Не знаете? Ну и ваше счастье... Советские женщины тогда тоже ни хрена не знали, даже предположить не могли... А она знала и умела... В общем, в задницу все эти подробности, вы лицо духовное, и значение в них только одно: она меня взяла изнутри... Не просто за яйца, как бывает, святой отец, а именно за сердце, тонкой рукой с коротко стриженными ногтями... Она тогда не могла позволить себе маникюр, святой отец, она же сидела в машинистках и набирала всякие тексты...

Мы встречались один-два раза в неделю, и она всякий раз рассказывала много интересного. Ведь тексты-то печатались непростые, полные если не государственных, то служебно-карьерных тайн. Я многое уяснял для себя в раскладах нашей партийной верхушки... А однажды она пришла заплаканная... Да, я помню это, как сейчас... Вся зареванная пришла и протягивает мне листочек бумаги...

Тогда им электрические машинки «Ятрань» установили. Текст стал ровнее, бумагу насквозь литеры не пробивали. Казалось, что этот гудящий агрегат – чудо техники. Не напрягаясь, не тратя сил – нажал кнопку – и буква уже на бумаге. Вообще-то у нее были очень сильные руки: она и на механических печатных машинках много поработала.

Но тот листочек она напечатала на «Ятрани». Да, ровным таким густым шрифтом, я хорошо запомнил почерк «Ятраней» по работе...

Это был листок под копирку. Запрос на меня, грешного. И четкий, жестокий, холодный ответ – как будто из-под рентгена меня вытащили. Я-то думал, что умело маскируюсь, что скрываю свои чувства, что я сфинкс для начальства – а про меня, оказывается, знали все...

* * *

...Руки Мезенцова дрожали. В висках колотились кровавые молоточки. Он не должен был увидеть эту бумагу, но и то, что он ее увидел, мало что меняло: это был приговор карьере, а карьера казалась Мезенцову тогда смыслом всей жизни.

«Мезенцов Леонард Николаевич. Из семьи служащих. Отец и мать – сотрудники КГБ... Семейная генетическая склонность к садизму и насилию в настоящее время латентна... Карьерист... Основа мировоззрения – цинизм... Страдает приступами черной меланхолии... Склонность к суициду...»

Лордик посчитал тогда, что все кончено, что он, как какой тайный агент, засыпался, и возврата к успеху не будет. Лордик думал, что теперь его ждет малоответственная работа на самых гнилых участках партстроительства. В этом его слезами поддерживала Таня, уверенная, что блестящий «папик», покровитель и толкач блестяще же провалился на подмостках реального социализма.

Глупые, наивные сопляки! Они не знали, и не могли тогда знать, что отрицательные качества уже становятся для власти положительными, что сумма облика будет кем-то отслежена, выделена и подана в особой папке на рассмотрение.

Бумага ушла наверх. Таня ушла от Лордика. Может быть, потому, что уже не могла рассчитывать на его успех, и по методу Дарвина искала нового сильного самца. А может, наоборот, потому что слишком уже привязывалась к Мезенцову, и случайная связь принимала серьезный оборот...

Вскоре после ухода Тани Мезенцов получил вызов из Внешторга. Даже Светлана, давно и люто ненавидящая мужа, посмотрела на этот раз с уважением: с чего бы такие валютные прелести?

Друзья «раздавили» в детской песочнице под грибком бутылку «Киндзмараули» и искренне, от души поздравили. Лордик шел в рост, в непонятный рост, в неожиданный верхний штрек, находившийся далеко от прежнего ствола подъема.

Во «Внешторге» разговаривали на самых верхах, очень вежливо и бережно. Предупредили, что задание будет торговое, чрезвычайной важности, сложности и секретности. Что Лордик должен сыграть ключевую роль в ответственной операции. И степень его свободы будет высока, но степень ответственности за злоупотребления – еще выше. Подстраховывать будет КГБ. Вот список агентов поддержки, просмотрите его и оцените каждого, чтобы было полное взаимопонимание. Но помните – вы главный. Вы выбираете себе офицера сопровождения, и он целиком и полностью выполняет ваши распоряжения.

В списке было 7 фамилий. В основном капитаны и майоры КГБ. Мезенцов – была не была – вписал ручкой восьмую – «О. Горелов» и именно напротив нее поставил галочку выбора. Через пару дней ничего не понимающий Лека получил командировку в маленький западно-германский городок Гифхорн...

* * *

Командировка Лордика была обставлена так, чтобы он не отвлекался на потребительские нужды и не думал о покупках. В валюте его совершенно не стесняли, пояснили, что отчет

за выданную пачку долларов будет формальным. Все эти крупные купюры – «на представительские расходы». Есть и запасные паспорта на Мезенцова и на Горелова – если что, можно использовать чужую фамилию. Советское консульство в курсе. Главная цель – предприниматель Эрнст Иоган Хок, житель Гифхорна и крупный биржевой делец...

* * *

Его звали Эрни Хоком. Смолоду он подвизался в концлагерях и душил евреев газом, а потому попал в список военных преступников. И тем не менее, его берегли, потому что высокие люди обоих миров – Востока и Запада – могли получить от Эрни то, что нужно больше всего на свете: дополнительную жизнь.

Эрни Хок торговал человеческими органами. Никто не спрашивал его, откуда берутся почки и печени, сердца и суставы. Никто и никогда не входил в мрачный подвал тайн Эрни Хока, откуда он, как фокусник из цилиндра, доставал новые жизни для власть имущих.

Его дом в Гифхорне, в котором не раз потом гостил Мезенцов, был типичным домом богатого бюргера, с брусами фахтверка, обрешечивающими стены, с сентиментальными фарфоровыми статуэтками и картинками настенных тарелок. Верхнее чердачное помещение имело круглое окно с перекрестьем рамы, словно крест сверкал над кирхой. Хок очень любил лакированную мебель – все столы в доме сверкали зеркальной полировкой, казались темными неподвижными озерами тайны. Предмет, который клали на такой стол, отражался в призрачном потустороннем полированном мире, искаженный и затемненный тоном лаков.

У Хока был винный погреб, выложенный природным булыжником, просторный и сумрачный, с крутыми 33 ступенями вниз, прохладный даже в летний зной. Здесь хранились на 178 стеллажах обрамленные бархатом благородной пыли бутылки Франции, Италии, Испании, рейнских виноградников. Некоторые пролежали в коллекции не один век...

Хок по роду своей деятельности не боялся ни Бога, ни черта. Пожилой человек с лоснящейся лысиной в обрамлении жидких седых волосенок, гладко выбритый и церемонно одетый, Хок носил «вальтер» в подмышечной кобуре и крошечный дамский трехзарядный пистолет за резинкой правого носка.

Хок не боялся полиции – она его боялась. Хок не боялся воров и бандитов – они его боялись. Одного на свете с 1944 года боялся Эрни Хок – он боялся русских. Молодому спецу «Внешторга» предстояло войти в контакт с Эрни и получить инъекции спинного мозга для омоложения дряхлеющих советских вождей. Ни у кого тогда и мысли не было, чтобы получить чудо-средство в СССР – столь чудовищной представлялась вампирическая мысль перехватить чужую жизнь.

Но – шаг сделан. То, что не рисковали получить в СССР, надеялись за валюту получить в Западной Германии. К Хоку послали гонца налаживать отношения – значит, совдепу приходит конец, понял Лордик.

* * *

Бюрократическая машина сработала быстро: подлинники документов о преступлениях Эрни Хока в годы Второй Мировой войны были собраны в архивах КГБ, Министерства обороны, Военной прокуратуры СССР и срочно курьерской почтой доставлены в Гифхорн.

Через день их получил сам «виновник торжества», а еще через день он перезвонил Мезенцову в отель «Гертруда» по приложенной визитной карточке и пригласил зайти по-свойски. Хок говорил по-русски! В свое время подготовленный школой Абвера для войны с Россией, он не забыл, не утратил навык общения с «византийцами», как он называл жителей СССР.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.